

## Н.В. Станкевич: У истоков отечественной эпистемологии

**Сиземская И.Н.,**

д. филос. н.,

главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН,  
Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

ORCID 0000-0002-9415-9164

[sizemskaya@mail.ru](mailto:sizemskaya@mail.ru)

**Аннотация:** В статье рассматриваются литературно-философские взгляды Н.В. Станкевича, развиваемые им в смысловом контексте утверждавшихся в русской общественной мысли «эстетического гуманизма» и историософских идей. Автор подчеркивает влияние Н.В. Станкевича на умонастроение и духовные ориентации отечественных интеллектуалов первой половины XIX века. В этой связи в статье даётся анализ социально-культурной ситуации того времени, её сопряжённости с поисками историософских объяснений места России в европейской культуре. Автор показывает, что Станкевич и созданный им литературно-философский кружок, объединивший известных мыслителей своего времени, были центром исканий, которые очень скоро стали точками роста отечественной философской мысли. В статье фиксируется внимание на идеях Станкевича о роли философии в достижении знания об основах мироздания, о целостности человеческого восприятия мира, о единстве понятийного и художественно-образного способов его постижения как исходном принципе историософской эпистемологии, о прогрессе как духовно-нравственном совершенствовании человечества, о субъектном включении личности в этот процесс. Эти идеи, как показано в статье, к середине XIX века определили проблемное поле и главный вектор развития отечественной общественно-философской мысли.

**Ключевые слова:** духовная культура, Просвещение, эстетический гуманизм, историософия, социальная эпистемология, цельное знание, «премудрая благость», социально-культурный опыт, «верующий разум», национальное самосознание

*Я не думаю, что философия окончательно может решить все наши важнейшие вопросы, но она приближает к их решению.*

**Н.В. Станкевич**

*Я никого не знаю выше Станкевича.*

**В.Г. Белинский**

Николай Владимирович Станкевич (1813–1840 гг.), ушедший из жизни в 27 лет, оставил не очень большое, но сохраняющее значимость до наших дней философско-

литературное наследие<sup>1</sup>. Влияние самого Станкевича на отечественную общественно-философскую мысль и литературу было столь велико, что, по свидетельству современников, он по праву был признан духовным лидером своего времени. В своём творчестве и просветительской деятельности он обращался к вопросам, которые позже стали основными для мыслителей, снискавших признание в качестве классиков отечественной философии. Сегодня его творческое наследие является источником, из которого мы черпаем представления о российской духовной культуре её Золотого века. Поэтому чтобы адекватно понять историческую значимость Н.В. Станкевича, надо соотнести его философские искания с особенностями отечественной социально-культурной ситуации первой половины XIX столетия.

## **Культурно-интеллектуальная жизнь российского общества первой половины XIX века**

Это была, по определению А.И. Герцена, эпоха «возбуждённости умственных интересов», ознаменовавшая новый этап в духовном развитии российского общества и национального самосознания. Победа России в Отечественной войне 1812–1814 гг. и последовавшее за ней широкое знакомство с европейским образом жизни, культурой и общественно-философской мыслью Франции, Германии, Англии инициировали новые векторы духовного развития и культурных контактов с Европой<sup>2</sup>. На этом фоне к концу двадцатых годов выросло образованное поколение, знакомое с философией Шпенглера, Фихте, Канта, Гегеля, почитавшее Гёте, Шиллера, Шекспира. Это заметно повлияло на содержание философских поисков, на интерпретацию выбираемой проблематики, на исторически складывающиеся политические, экономические и культурные контакты России с Европой. При этом влияние идей европейской культуры выражалось не только и даже не столько в том, что они «вели за собой», но, прежде всего, в том, что они побуждали к собственным философским изысканиям и ответам на вопросы современности. Важнейшим следствием знакомства с идеями западноевропейской мысли стали поиски оснований (политических, экономических, культурных, исторических) цивилизованного существования (и общества, и своего личного) при сохранении национальной идентичности. В этом проблемном контексте получила развитие мысль о том, что Россия может быть связующим звеном между «дряхлеющим Западом» и просыпающимся к жизни Востоком, что, учась на чужом опыте, она способна дать ответы на вопросы, поставленные новым временем. П.Я. Чаадаев, в своем эпатажном Первом письме «Философических писем» высказав идею, что всемирное воспитание как бы обошло Россию стороной, писал позднее, в 1835 году,

<sup>1</sup> Философско-литературное наследие Н.В. Станкевича с изложением его биографии впервые было издано в 1858 году и переиздано в 1890 году (без переписки) [17]. В него вошли его поэзия, историческая трагедия «Василий Шуйский», написанная им в 16 лет, тираж которой автором был куплен и уничтожен, и несколько рукописных набросков для статей философского характера («Моя метафизика», «Об отношении философии к искусству» и др.). В настоящее время это издание воспроизведилось дважды — в 1982 и 2008 гг. [19; 20]. В 1990 году на родине Станкевича в Белгородской области был открыт ему памятник в здании реконструированной бывшей земской школы, а в Москве одна из улиц (сейчас это Вознесенский переулок) с 1922 по 1993 год носила имя Н.В. Станкевича.

<sup>2</sup> Для отечественных интеллектуалов открылись широкие возможности непосредственно окунуться в духовную атмосферу Европы, дополнить полученное образование стажировками в её старейших университетах, ознакомиться с новейшими образцами философской мысли — Шеллинга, Фихте, Канта, Гегеля. Их идеи увлекали, побуждая к собственным философским исканиям, к размышлениям о соотнесении с ними отечественного культурного опыта.

И.С. Тургеневу: «Россия, если только уразумеет своё призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы» [23, с. 377]<sup>3</sup>. Немного позже В.Ф. Одоевский тоже обратится к этой идеи, но сформулирует её более развёрнуто и категорично, уже без условного «если». «Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего, — утверждал он в философском романе „Русские ночи“, — мы новы и свежи, мы непричастны преступлениям старой Европы <...> Не бойтесь, братья по человечеству, нет разрушительных стихий в славянском Востоке — узнайте его и вы в том уверитесь; вы найдёте у нас частию ваши же силы, сохранённые и умноженные, вы найдёте и наши собственные силы, вам неизвестные, и которые не оскудеют от раздела с вами» [12, с. 182]. В общественном сознании укоренилось убеждение, что XIX век принадлежит России — убеждение, которое в разных вариациях будет ещё долго сопутствовать историческому движению российской общественной мысли, художественной культуры, национального сознания.

Для российского общества наступало время, вошедшее в его интеллектуальную историю под знаком «славное десятилетие 1838–1848 гг.». Его главная особенность состояла в том, что начинающие мыслители, писатели, поэты находили в обращении к философии общечеловеческие смыслы включаемых ими в своё творчество идей, интуиций, сюжетов, идеологем об устройстве мироздания, о добре и зле, о свободе и насилии, о вере и знании, о роли человека в истории. Вспоминая это время, В.Ф. Одоевский писал, что его юность протекала в эпоху, когда метафизика была общей атмосферой, а у молодого поколения сформировалось отношение к философии, близкое к религиозному. Об этом писал в своих воспоминаниях и П.В. Анненков, замечая, что кто не был «исполнен философским содержанием» в мыслях, определяющих жизненные поступки, тот не считался истинным интеллектуалом [1]. Новое молодое поколение не просто интересовалось, но жило философскими вопросами, приучая себя искать в них ответы о законосообразности и разумности каждого явления и мироздания в целом [1, 3, 10]. Особую роль в этом культурном процессе играли творческие союзы, сообщества по культурным интересам, литературно-философские кружки [21] и, прежде всего, кружок Станкевича, возникший в 30-е годы в среде студенческой молодёжи Московского университета [5]. В кружке доминировал интерес к вопросам метафизики и проблеме человека, стремление объяснить смысл человеческого бытия, предназначение личности быть субъектом преобразования мира на пути его духовно-нравственного совершенствования [7]. Преобладающее направление работы кружка, в отличие от одновременно существовавшего кружка А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, нацеленного на обсуждение социальной проблематики в контексте внимания к идеям французских социалистов-утопистов, было связано с изучением немецкой

---

<sup>3</sup> В «Апологии сумасшедшего» он высажется еще определеннее: «Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия» [23, с. 150].

философии — О. Шпенглера, И. Канта, И.Г. Фихте, а на более позднем этапе — Г. Гегеля<sup>4</sup>. А.И. Герцен так вспоминал о деятельности этих двух кружков и взаимоотношениях их участников: «Им не нравилось наше почти исключительно политическое направление, нам не нравилось их почти умозрительное. Они считали нас франдёрами и французами, мы их сентименталистами и немцами» [4, с. 99]. Но участники и того, и другого кружка принадлежали к одному поколению русских либералов-идеалистов, были детьми русского Просвещения, испытавшими в равной степени влияние идей декабристов [15, 13]. Оба кружка составили основу будущего западничества в российской общественной мысли и литературе (В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, Н.П. Огарёв, А.И. Герцен, В.П. Боткин, И.С. Тургенев, А.П. Анненков). Вместе они сделали для российской культуры то, что определило вектор развития национального самосознания, пробудив «мысленное любопытство» к вопросам собственной истории и культуры, к их историософскому осмыслинию. В их спорах, дискуссиях, попытках философского обоснования актуальных для времени проблем отразилось становление новой исторической реальности — времени, о котором с благодарностью потом говорило не одно поколение. А.И. Герцен, вспоминая об этом периоде жизни страны, писал, что оно сформировало общество независимых, и это была высокая (заметим, не только для того времени) оценка состояния социального бытия. Кружок Станкевича сохранял выбранное им направление осмыслиения реальности и влияние на молодые умы и после того, как его руководитель был вынужден уехать за границу на лечение<sup>5</sup>. Над кружком незримо парила его тень, как вспоминали современники.

Смысловая сопряжённость отечественной философии с литературой придавала художественному и интеллектуальному творчеству свою, можно сказать, российскую специфику. Особенностью философских поисков и обоснований принимаемых общественным сознанием идей стало тяготение к их свободному изложению в жанре философских размышлений, публицистики, литературных обзоров, литературной критики. Это сближало отечественную философию с мировоззрением, достаточно быстро и на долгое время утвердило способ философствования, который определил его национальные черты. Наиболее последовательно такой оценки в обращении к русской философской мысли придерживался С.Л. Франк, видя в её близости с мировоззрением ту сущностную черту, которая определяет её особое место не только в русской, но и в европейской духовной культуре [22].

В рамках мировоззрения даже самые общие идеи живут более свободно и нравственно окрашенными, а мир предстаёт для человека в многообразии его проявлений и смыслов. Мировоззрение может быть выражено как в системе логических умозрений и силлогизмов,

<sup>4</sup> «Они были представителями двух направлений», — отмечал Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Кружок Станкевича интересовался по преимуществу «отвлеченными вопросами» — философией, эстетикой — и был заметно равнодушен к политическим и социальным вопросам. Кружок Герцена, тоже занимавшийся философией, уделял внимание не столько литературе, сколько вопросам социального устройства. Характеризуя деятельность кружка Станкевича, автор статьи подчёркивал, что это были люди различных темпераментов и душевных организаций, но всех их соединяло обаяние необыкновенно светлой, истинно-идеальной личности главы кружка. В его оценке, Станкевич был необыкновенно яркой личностью, оставивший для потомков редкий пример литературного деятеля, наложившего свою печать на целый период русской литературы и, добавим, философской мысли и интеллектуальной культуры в целом [2].

<sup>5</sup> После отъезда Станкевича руководителем кружка стал В.Г. Белинский. Но в его кабинете среди портретов людей, почитаемых им, был портрет Н.В. Станкевича. С отъездом Белинского в Петербург кружок раздвинул свои географические границы. В 1840 году произошло идейное сближение Белинского и Герцена и деятельности обоих кружков.

так и через виды эмоционально окрашенного образного восприятия мира, при этом их взаимосвязь может принимать различный характер. Случилось так, что в русской философии вплоть до середины XIX века (до появления философских систем) доминировала образно-символическая интерпретация внешней для человека реальности, и потому наиболее значительные философские идеи высказывались не в систематических трудах, а в более свободных формах. Причина этого состояла в том, что такой способ философствования был наиболее аутентичен исторически сложившейся культуре, контекст которой включал философскую рефлексию на правах ума переживающего, понимающего и чувствующего<sup>6</sup>. О близости русской философии с мировоззрением и в этой своей форме с другими видами воспроизведения мира в общественном и индивидуальном сознании отдельно писал в своей «Истории русской философии» В.В. Зеньковский, подчёркивая, что её представители всегда искали «синтетического единства всех сторон реальности» и потому обращались ко всем движениям человеческого духа [6]. Такого же мнения придерживался С.Л. Франк, посвятив этой теме серию своих статей [22]. Творчество Н.В. Станкевича — убедительное подтверждение верности таких оценок.

### **О философских исканиях Н.В. Станкевича**

В истории отечественной культуры с личностью Н.В. Станкевича связано дальнейшее развитие русского Просвещения в форме эстетического гуманизма. Ему, как и всем его последователям, было свойственно сочетание веры в прогресс с поклонением красоте и искусству, что рождало тот оптимизм и действенный идеализм, который насыщал эту веру чувством ответственности за отечественную историю и исканием путей активного вмешательства в её ход [6, с. 241]. Жизнь в целом и в каждом из своих проявлений, считали представители этого направления, сопряжена со стремлением к целесообразности. Развивая эту идею в своей «Метафизике», Станкевич убеждал, что человек, если он руководствуется требованиями разума, не растеряется в многообразии окружающего его мира, а познав его законы (целесообразность) и «восходя к Разумению», может достигать в познании и практической деятельности поставленных целей [17, с. 150–151]. Таков, по определению Станкевича, общечеловеческий закон, суть которого — в единении свободы и необходимости в жизнедеятельности человека. В его определении «разум, воля, чувство — это три действительных направления человеческой жизни, которые она переносит в жизнь всеобщую» [19, с. 151]. Их единство Станкевич связывал с творчеством, интерпретируя последнее как сущностную характеристику движения мира, существования человечества, жизни отдельного человека и исторического развития общества. «Одна и та же жизнь развивается в различных видах одинаково, но по своим законам, — писал он в своей „Метафизике“, — <...> жизнь эта действует <...>, повинуясь себе самой, своим законам, которые вечны и непреложны, следовательно, составляют сущность её». [19, с. 199].

Важнейшей вехой философских изысканий Станкевича на этом пути стало обоснование значимости философской рефлексии в создании общей картины мира. Ей он

---

<sup>6</sup> Эту познавательную ситуацию В.В. Зеньковский сформулировал так: познание, в том числе и в форме философского умозрения, становится функцией нашего действенного поведения в мире, событием в процессе жизни, «а потому его смысл, задачи и его возможности определяются из общего отношения нашего к миру», из нашего «действования» в нём» [6, с. 21].

придавал решающее значение, считая философию не наукой в ряду других наук, а важнейшим их всеобщим основанием. «Я не думаю, — писал он, — что философия окончательно может решить все наши важнейшие вопросы, но она приближает к их решению: она зиждет огромное здание, она показывает человеку цель жизни и путь к этой цели, расширяет ум его» [18, с. 594]. На этом концептуальном основании он строит обоснование «нераздробленного познания», синтезирующего понятийное знание и прямое живое созерцание<sup>7</sup>. Способность к такому синтезу, был уверен Станкевич, есть вечное стремление человеческого Духа, потребности человека реализовывать в каждом мгновении жизни всю полноту своего бытия. Эта идея нашла заметный отклик в развитии гуманистического направления отечественной философии. В сфере эпистемологии она будет сопрягаться с утвердившимся тезисом: истина достигается «умом чувствующим и переживающим», т. е. через *экзистенциальное включение* человека в познавательный процесс. Такой ум восполняет ограниченность понятийного мышления возможностями творческого созерцания и образного восприятия мира.

Заявленная Станкевичем идея о единстве «воли, разума и чувства» подводила к утвердившемуся через некоторое время признанию и интерпретации познавательного опыта как жизненно-интуитивного, то есть экзистенциального постижения бытия. Этой мыслью он первым объявил протест против понятийного осознания мира в качестве универсальной формы его постижения и объяснения. Протест, заявление о котором произошло раньше, чем в европейской философии, и который надолго определил особенную черту отечественной философской мысли. В нём наиболее полно выразились философские устремления Станкевича кциальному познанию в сочетании с верой в многообразие форм познавательного опыта и его возможностей проникнуть в суть бытия. Его философские поиски положили начало включению в философскую рефлексию «живого созерцания», наполнявшую её конкретной предметностью. В результате проблема познания стала интерпретироваться как тема Бытия, в котором духовно-ценостные смыслы существуют на правах его *структурообразующей составляющей*. Её главным вопросом стал вопрос о единстве всех видов отношения человека к миру как основании достижения истины. Это «толкало» философию в проблемное поле социальной эпистемологии, обращение к которой с этого времени стало особенностью отечественной философской мысли<sup>8</sup>.

В России об этом задумались много раннее, чем на Западе. Более того, соединение художественного и философского «жанров» уже в самих истоках системного формирования философской мысли определило её, можно сказать, генетический код, а с этим — главный

---

<sup>7</sup> В защите и обосновании такой позиции Станкевич был солидарен с «любомудрами» — философским кружком (а точнее — сообществом по интересу к философии) первой четверти XIX века (И.В. Киреевский, Д.В. Веневитинов, Ф. Одоевский, А.С. Хомяков). Члены этого творческого сообщества последовательно придерживались идей немецкого романтизма; за таким интересом стояло повышенное внимание со стороны образованной молодёжи к Ф. Шеллингу, который в художественном постижении мира усматривал высший род целостного знания, а в поэзии видел способ выражения гармонии мира, связи человеческой жизни с жизнью вселенной. Станкевич был солидарен с «любомудрами» во взглядах на союз философии и поэзии.

<sup>8</sup> Концептуальную разработку названная проблема получила в учении И.В. Киреевского. Её смысл был сформулирован им предельно чётко: «Отделённое от других познавательных сил, логическое мышление составляет естественный характер ума, отделенного от своей цельности, — писал Киреевский. — Весь порядок вещей, происшедший вследствие этого раздвоенного состояния человека, сам собой влечёт его мышление к этой логической односторонности» [8, с. 266]. Данная эпистемологическая идея исходила из признания, что притязания «рационального мышления» на полное знание и истину затрудняют движение к их достижению. См. об этом: [14].

вектор развития отечественной духовной культуры, который П.В. Флоровский назвал *философским беспокойством*. Последнее стало, с одной стороны, выполнять роль путеводителя в художественных поисках, с другой стороны, облекало абстракции гасю в живую плоть образов и жизненных смыслов, что придавало системный характер представлениям о мире в целом и о его конкретных проявлениях. Станкевич, разделяя увлечения своего поколения философией Ф. Шеллинга, отводил этой теме исключительную роль в своих философских поисках, не раз обращаясь к проблеме союза философии с художественным творчеством. «Искусство как предчувствие высшего, — писал он в размышлениях „Об отношении философии к искусству“, — всегда живёт в неразрывной связи с исторической судьбой человеческого рода и потому совпадает с историей его духовного развития» [19, с. 174]. Эту характеристику роли искусства можно перенести на поэтическую лирику самого Станкевича, отражавшую духовные искания его и как поэта, и как философа. Вслед за любому драмами, считавшими, что «философия есть истинная поэзия», он утверждал, что мысль и поэзия находятся в гармонии, являясь выразителями всеобщей основы духовности. Заметим, что сам Станкевич не был исключительно философом, как не был и только поэтом; поэзия и занятия философией были для него стихиями, каждая из которых по-своему определяла смысл его творчества, а вместе они задавали общую направленность его поискам как мыслителя.

Со временем идея о единстве философии и поэтического (художественного) творчества найдёт продолжение в тезисе о «переходе мысли в действие». С ней окажется в «согласии» мировоззрение, которое с исключительной силой заявит о себе через несколько десятилетий. Идея Станкевича о прогрессе в единстве с поклонением красоте будет принята российской интеллигенцией в форме «действенного идеализма», который на долгие годы станет не только её мировоззренческим принципом, но и мотивационным основанием социального поведения и гражданственности [15]. Эта идея соединит веру в прогресс с осознанием правомерности и необходимости вмешательства человека в исторический ход событий. Правда, в таком модусе она потеряет свойственный ей в середине XIX века всеобщий характер.

---

В этом году исполняется 185 лет со дня смерти Н.В. Станкевича. Сохранившаяся сегодня память о нём свидетельствует о необыкновенной яркости его творческой натуры и жизненной силе его идей. Она ещё раз убеждает в истинности мысли, что идеи не умирают со смертью их автора, а вместе с ним остаются не только на страницах истории культуры, но и в жизни новых поколений.

## Литература

1. Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: «Художественная литература», 1983. 694 с. С. 121–368.
2. Венгеров С. Станкевич (Николай Владимирович) // Энциклопедия Брокгауза и Ефрана. Т. XXXI, СПб.: Семеновская Типолитография, 1900. 475 с.
3. Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М.: «Московский рабочий», 1989. 151 с.
4. Герцен А.И. Герцен А.И. Былое и думы. Часть 4. Москва, Петербург и Новгород. Гл. 25 // Герцен А.И. Сочинения в 8 томах. Т. 5. М., Издательство «Правда», 1975. 384 с. С. 99.
5. Елизаветина Г.Г. Н.В. Станкевич и его духовное наследие // Станкевич Николай Владимирович (1813–1840). Избранное / Сост., вступ. статья и примеч. Г.Г. Елизаветиной. М.: Советская Россия, 1982. 256 с. С. 3–13.
6. Зеньковский В.В. Гегельянские кружки: Н.В. Станкевич, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский // Зеньковский В.В. История русской философии. М.: «Академический проект», «Раритет», 2001. 880 с. С. 263–291.
7. Каменский З.А. Московский кружок любомудров. М.: Издательство «Наука», 1980. 327 с.
8. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Критика и эстетика. Издание второе и дополненное / Составление, вступительная статья и примечания Ю.В. Манна. М.: Издательство «Искусство», 1998. 440 с. С. 314–354.
9. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношению к просвещению России // Киреевский И.В. Критика и эстетика. Издание второе и дополненное / Составление, вступительная статья и примечания Ю.В. Манна. М.: Издательство «Искусство», 1998. 440 с. С. 206–314.
10. Манн Ю.В. Диалектика русского романтизма. М.: Аспект Пресс. 1995. 384 с.
11. Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 125-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. 384 с.
12. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 245 с.
13. Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФ РАН, 1995. 532 с.
14. Сиземская И.Н. «Концепт „живознание“ в проблемном поле отечественной философии XIX века» // Культурно-историческая эпистемология: проблемы и дискуссия. К 80-летию Бориса Исаевича Пружинина. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2024. 310 с. С. 217–223.
15. Смирнов И.П. Эхо немецкого романтизма в русской мысли XIX — первой половины XX века // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 5 / Под ред. И.П. Смирнова. М.: «Вузовская книга», 2009. 382 с. С. 147–185.
16. Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: «Книга», 1990. 537 с.

17. Станкевич Н.В. (1813–1840). Стихотворения; Трагедия; Проза / Предисл.: Алексей Станкевич. Москва : тип. и словолитня О.О. Гербека, 1890. XII, 245 с.
18. Станкевич Н.В. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. [предисл.] и изд. Алексея Станкевича. Москва, 1914. 787 с.
19. Станкевич Николай Владимирович (1813–1840). Избранное / Сост., вступ. статья и примеч. Г.Г. Елизаветиной. М.: Советская Россия, 1982. 256 с.
20. Станкевич Н.В. Избранное / Вступ. ст. и примеч. д. филол. н. Б.Т. Удодова. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. 302 с.
21. Сухов А.Д. Литературно-философские кружки // Сухов А.Д. Русская философия: Характерные признаки и представители, особенности развития. М.: Канон, РООИ «Реабилитация», 2012. 640 с. С. 77–150.
22. Франк С.Л. Русское мировоззрение / вступ. ст. А.А. Ермичева. СПб. : Наука, 1996. 736 с.
23. Чаадаев П.Я. Сочинения / составление, примечания В.Ю. Проскуриной. М.: Издательство «Правда», 1989. 655 с.
24. Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов // Чичерин Б.Н. Воспоминания в 2 тт. / Предисловие, примечания Бахрушин. Т. 1. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2010. 528 с. С. 139–263.

## References

1. Annenkov P.V. Zamechatel'noe desyatiletie. 1838–1848 // Annenkov P.V. Literaturnye vospominaniya. М.: «Hudozhestvennaya literatura», 1983. 694 s. S. 121–368.
2. Vengerov S. Stankevich (Nikolaj Vladimirovich) // Enciklopediya Brokgauza i Efrona. Т. HHH1, SPb: Semenovskaya Tipolitografiya, 1900. 475 s.
3. Gershenson M.O. Griboedovskaya Moskva. P.Ya. Chaadaev. Ocherki proshlogo. M.: «Moskovskij rabochij», 1989. 151 s.
4. Gercen A.I. Gercen A.I. Byloe i dumy. Chast' 4. Moskva, Peterburg i Novgorod. Gl. 25 // Gercen A.I. Sochineniya v 8 tomah. Т. 5. М., Izdatel'stvo «Pravda», 1975. 384 s. S. 99.
5. Elizavetina G.G. N.V. Stankevich i ego duhovnoe nasledie // Stankevich Nikolaj Vladimirovich (1813–1840). Izbrannoe / Sost., vstup. stat'ya i primech. G.G. Elizavetinoj. М.: Sovetskaya Rossiya, 1982. 256 s. S. 3–13.
6. Zen'kovskij V.V. Gegel'yanskie kruzhki: N.V. Stankevich, M.A. Bakunin, V.G. Belinskij // Zen'kovskij V.V. Iстория russkoj filosofii. M.: «Akademicheskij proekt», «Raritet», 2001. 880 s. S. 263–291.
7. Kamenskij Z.A. Moskovskij kruzhok lyubomudrov. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1980. 327 s.
8. Kireevskij I.V. O neobhodimosti i vozmozhnosti novyh nachal dlya filosofii // Kireevskij I.V. Kritika i estetika. Izdanie vtoroe i dopolnennoe / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya Yu.V. Manna. M.: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1998. 440 s. S. 314–354.
9. Kireevskij I.V. O haraktere prosveshcheniya Evropy i ego otnosheniyu k prosveshcheniyu Rossii // Kireevskij I.V. Kritika i estetika. Izdanie vtoroe i dopolnennoe /

Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya Yu.V. Manna. M.: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1998. 440 s. S. 206–314.

10. Mann Yu.V. Dialektika russkogo romantizma. M.: Aspekt Press. 1995. 384 s.
11. Nikolaj Karamzin i istoricheskie sud'by Rossii. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya / Obschh. red. i sost. A.A. Kara-Murzy, V.L. Sharovoj, A.F. Yakovlevoj. M.: Akvilon, 2016. 384 s.
12. Odoevskij V.F. Russkie nochi. L.: Nauka, 1975. 245 s.
13. Prilenskij V.I. Opyt issledovaniya mirovozzreniya rannih russkih liberalov. M.: IF RAN, 1995. 532 s.
14. Sizemskaya I.N. «Koncept „zhivoznanie“ v problemnom pole otechestvennoj filosofii H1H veka» // Kul'turno-istoricheskaya epistemologiya: problemy i diskussiya. K 80-letiyu Borisa Isaevicha Pruzhinina. M.: Politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2024. 310 s. S. 217–223.
15. Smirnov I.P. Ekho nemeckogo romantizma v russkoj mysli XIX — pervoj poloviny XX veka // Istoriya mysli. Russkaya myslitel'naya tradiciya. Vyp. 5 / Pod red. I.P. Smirnova. M.: «Vuzovskaya kniga», 2009. 382 s. S. 147–185.
16. Solov'yov V.S. Stihotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika. M.: «Kniga», 1990. 537 s.
17. Stankevich N.V. (1813–1840). Stihotvoreniya; Tragediya; Proza / Predisl.: Aleksej Stankevich. — Moskva : tip. i slovolitnya O.O. Gerbeka, 1890. XII, 245 s.
18. Stankevich N.V. Perepiska Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha. 1830–1840 / Red., [predisl.] i izd. Alekseya Stankevicha. Moskva, 1914. 787 s.
19. Stankevich Nikolaj Vladimirovich (1813–1840). Izbrannoe / Sost., vstup. stat'ya i primech. G.G. Elizavetinoj. M.: Sovetskaya Rossiya, 1982. 256 s.
20. Stankevich N.V. Izbrannoe / Vstup. st. i primech. d. filol. n. B.T. Udodova. Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraya, 2008. 302 s.
21. Suhov A.D. Literaturno-filosofskie kruzhki // Suhov A.D. Russkaya filosofiya: Harakternye priznaki i predstaviteli, osobennosti razvitiya. M.: Kanon, ROOI «Reabilitaciya», 2012. 640 s. S. 77–150.
22. Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie. / vstup. st. A.A. Ermicheva. SPb. : Nauka, 1996. 736 s.
23. Chaadaev P.Ya. Sochineniya / sostavlenie, primechaniya V.Yu. Proskurinoj. M.: Izdatel'stvo «Pravda», 1989. 655 s.
24. Chicherin B.N. Moskva sorokovyh godov // Chicherin B.N. Vospominaniya v 2-h tt. / Predislovie, primechaniya Bahrushin. T. 1. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 2010. 528 s. S. 139–263.

## N.V. Stankevich: At the origins of Russian epistemology

*Sizemskaya I.N.,*  
PhD,

Chief Researcher at the Social Philosophy Sector  
of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,  
12 Goncharnaya str., building 1, Moscow, 109240, Russian Federation,  
ORCID 0000-0002-9415-9164  
[sizemskaya@mail.ru](mailto:sizemskaya@mail.ru)

**Abstract:** The article examines the literary and philosophical views of N.V. Stankevich, developed by him in the semantic context of the "aesthetic humanism" and historiosophical ideas that were established in Russian public thought. The author emphasizes the influence of N.V. Stankevich's ideas on the mentality and spiritual orientations of Russian intellectuals of the first half of the 19th century. In this regard, the article provides an analysis of the socio-cultural situation of that time, its connection with the search for historiosophical explanations of Russia's place in European culture. The author shows that Stankevich and the literary and philosophical circle he created, which brought together famous thinkers of his time, were the center of searches that very soon became the growth points of Russian philosophical thought. The article focuses on Stankevich's ideas about the role of philosophy in achieving knowledge about the foundations of the universe, about the integrity of human perception of the world, about the unity of conceptual and artistic-imaginative ways of understanding it as the basic principle of historical and philosophical epistemology, about progress as the spiritual and moral improvement of mankind, about the subjective inclusion of personality in this process. These ideas, as shown in the article, by the middle of the 19th century had determined the problem field and the main vector of development of Russian socio-philosophical thought.

**Keywords:** spiritual culture, Enlightenment, aesthetic humanism, historiosophy, social epistemology, integral knowledge, "wise goodness", socio-cultural experience, "believing mind", national identity